

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ
«РАСОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ» И ЭГАЛИТАРНАЯ СУЩНОСТЬ
МЕЖДУНАРОДНОГО АНТИДИСКРИМИНАЦИОННОГО ПРАВА**

Проблема борьбы с расовой дискриминацией приобрела чрезвычайную остроту и значимость. В Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, подчеркивается, что Генеральная Ассамблея «признает и утверждает, что глобальная борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всех их одиозных и меняющихся форм и проявлений является первоочередной задачей всего международного сообщества» [1].

Многие государства прилагают серьезные правовые и политические усилия в борьбе с расовой дискриминацией или, по меньшей мере, декларируют их. Однако, невзирая на признание приоритетности задачи противодействия проявлениям расовой дискриминации, она не только не разрешена, но и приобретает все более угрожающий характер.

Современный политический и идеологический контекст создает благоприятные возможности для возрождения старых форм расизма и ксенофобии, а также для появления их новых видов [2]. Очевидно, что назрела насущная необходимость выработки соответствующего масштабам проблемы концептуального международно-правового обеспечения противодействия расовой дискриминации. Во второй половине XX века в международном праве был провозглашен принцип недискриминации; на его осуществление направлен процесс формирования системы международных правовых норм — международного антидискриминационного права, которое выходит за пределы международного права прав человека, охватывая, в частности, некоторые аспекты международного уголовного и международного гуманитарного права.

Несмотря на усилия международного сообщества по созданию эффективного правового механизма противодействия дискриминации, исторически стратифицированные социумы зачастую оказываются неготовыми оперативно реагировать на новую концепцию межгосударственного контроля за соблюдением принципа недискриминации. Обязанность изменить социальный уклад собственного государства в соответствии с волей мирового сообщества воспринималась неоднозначно [3]. Сравнительно быстрый процесс международно-правового признания дискриминации как запрещенного поведения, в условиях существующей психологической предубежденности, во многих странах не отвечал внутренним социальным тенденциям [4].

Тем не менее к настоящему времени сложился консенсус относительно того, что расовая дискриминация является наиболее серьезной формой дискриминации. Это доказывается, в числе прочего, тем, что ее запрет в международном праве имеет статус нормы *jus cogens*, а обязательство соблюдения получило

характер обязательства *erga omnes* [5]. Вопрос доминанты суверенитета государства из бесспорного трансформируется в дискуссионное, если контрфактором возникают фундаментальные человеческие ценности [6]. Запрет расовой дискриминации и наиболее тяжелых форм ее проявления — геноцида и работорговли — рассматривается как норма *jus cogens* многими авторитетными учеными [7], международными и национальными судами [8].

Создание международно-правовой стратегии борьбы с расовой дискриминацией, разработка международно-правовых стандартов противодействия этому явлению на национальном уровне и координация международного сотрудничества является центральной задачей международного антидискриминационного права, которое, в самом общем виде, может быть идентифицировано как концептуально целостный международно-правовой нормативный комплекс, регламентирующий международное сотрудничество в противодействии дискриминации.

Основной функцией международного антидискриминационного права является эгалитарная (от фр. «egalite» — равенство). Как отмечает В. А. Бачинин, важнейшей ценностью, на защиту которой нацелена эгалитарная функция права, является справедливость [9]. Эгалитаристы утверждают, что антидискриминационное право является обязательным компонентом справедливого распределения благ и бремени социального сотрудничества. Безусловно, антидискриминационное право не может решить все проблемы. Признавая неизбежность и даже, в определенных случаях, справедливость неравенства, необходимо решить центральную задачу — определить, какие именно неравенства или различия допустимы» [10].

Юридической концепции расовой дискриминации уделяется пристальное внимание [11], тем не менее, в международно-правовых источниках отсутствует единое согласованное определение этого понятия [12]. С точки зрения концептуального подхода теория международного антидискриминационного права представляет собой динамично развивающуюся концептосферу, ключевыми мегаконцептами которой являются концепты «достоинство», «равенство», «справедливость», исторически формировавшиеся в рамках философского, политического и правового дискурса. Они явились теми аксиологическими концептами, которые выступают в роли «ценностных доминант», став прототипичным ценностным основанием современного понятия «недискриминация» как международно-правовой категории.

Международное антидискриминационное право обращается «к заключенным в концептах ценностям как явлениям общественного сознания и ориентирам в социальной действительности» [13]. Дискриминация представляет собой посягательство на эти ценности. Концептологический подход к исследованию предполагает концентрацию внимания на анализе определенных концептов и их интерпретации. В. П. Макаренко, отмечая особую значимость историко-концептологического метода, разработанного Д. Б. Расселом, подчеркивает, что история концептов имеет двойственную цель: объяснить развитие концептов и понять сами концепты [14].

Очевидно, что на протяжении многих тысячелетий представления о равенстве и справедливости претерпевают трансформации, отражающие сложный и противоречивый ход развития человеческой цивилизации. Протоиерей А. Мень обращал внимание на то, у большинства народов было естественным делом считать иноземца существом низшего порядка: «Древние египтяне называли азиатов «сынами дьявола», «проклятыми», есть с ними было «мерзость для египтян» (Быт.43.32). Слово «человек» в древнеегипетском языке было эквивалентно слову «египтянин». Во всех древних цивилизациях мы находим черты презрительного отношения одних народов к другим и представление о том, что одни являются «господами», другие «рабами» [15, 22].

Многие факты приводят к выводу, что древнему миру были присущи те явления, которые мы называем сегодня расовыми предрассудками или культурными предубеждениями: в Древней Греции существовали различные формы этнических стереотипов, которые Б. Исаас описывает как «прото-расизм» [16, 55–73]. Аристотель считал, что справедливость может означать и равенство для равных, и неравенство для неравных. Согласно аристотелевской концепции естественного рабства, существование естественных рабов является благом и для владельцев, и для поработанных — естественных рабов. Аристотель полагал, что большинство людей может быть поработано без несправедливости, потому что они — рабы по своей природе; негры являются естественными рабами [17]. Распространено мнение, что именно с Аристотеля берет начало авторитетное обоснование расовой доктрины и именно им заложены основы расизма [18, 26]. «Одно из самых явных выражений греческого понимания расизма и рабства содержится в работах Аристотеля», — утверждает Д. Д’Суза [19, 457]. Вместе с тем Аристотель нигде не формулировал расистские теории. «Я убежден, что у Аристотеля не было идеи расы», — заключает Б. Р. Боксилл [20, 15].

Естественно-правовая интерпретация концепта «основного равенства» нашла отражение в трудах стоиков. Исходя из стоической идеи единства божественного и человеческого мира, Сенека считал, что люди — «родные друг другу», «члены единого тела»: ведь природа сотворила всех людей из одной и той же материи и для одних и тех же целей. Высшее благо — в разуме, который есть божественный дух, погруженный в тело человека [21, 89–90].

«Отрицание Церковью расовой неполноценности людей восходит еще к ветхозаветным временам... — писал А. Мень. — Ветхозаветные иудеи первоначально не представляли исключения в этом отношении. ...С момента же вступления Церкви в мир расизм всегда идет рука об руку с антихристианством. В противовес учению Церкви о единстве происхождения человеческого рода язычник Юлиан Отступник в IV веке, оккультист Парацельс, пантеисты Бруно и Ванини в XVI веке утверждали, что различные человеческие расы возникли из различных источников и поэтому не могут считаться равноценными. Открытие Америки вызвало горячие споры в этом отношении, ибо многие не хотели считать туземцев Нового света настоящими людьми; многим казалось, что нет даже надобности доказывать, что они произошли не от общих с жите-

лями Старого света прародителей. Это мнение успокаивало совесть тех, кто с отвращением смотрел на «подвиги» первых колонизаторов Америки, а для самих конкистадоров признание аборигенов Америки за низшие существа, играло роль оправдания их бесчеловечной жестокости» [15, 22]. «Расизм в религиозном своем самоопределении представляет собой острейшую форму антихристианства, злее которой вообще не бывало в истории христианского мира», — утверждал С. Н. Булгаков [22, 587].

Равенство как концепт международного права амбивалентен и содержит множество вариантов интерпретации. Попытки формулировки единой эгалитарной теории сталкиваются со множеством проблем, включая вопрос о справедливости эгалитаризма и возможности создания единой концепции равенства [23]. С точки зрения антидискриминационного права особый интерес представляют, безусловно, эгалитаристские концепции. Современная парадигма антидискриминационного права базируется, в частности, на работах таких философов, как Дж. Ролз, Р. Дворкин, У. Кимлика, Н. Фрейзер, А. Сен, Т. Негель. Как обоснованно утверждают Д. М. Хаусман и М. С. Волдрен, современный, «пересмотренный» эгалитаризм существенно отличается от эгалитаризма фундаменталистского, считавшего недопустимыми любые проявления неравенства, независимо от их последствий. Сегодня эгалитаризм может быть лучше понят как «семейство представлений», нежели единая этическая концепция [24].

Существует множество противостоящих друг другу и конфликтующих идеалов и понятий равенства. «Равенство как таковое является по существу неопределенной категорией, которая часто наполняется конкретным содержанием лицами, определяющими политику», — констатирует М. Боссайт [25].

В дискурсе международного антидискриминационного права рассматривается равенство индивидов и их групп, хотя в более широком контексте в концептосферу «равенство» входят и другие его толкования, прежде всего, равенство государств как субъектов международного права. Соответственно, дискриминация как категория международного антидискриминационного права находится в пределах ее интерпретации как нарушения индивидуальных и коллективных прав человека. Термин «дискриминация» применяется как для обозначения социально-правового и политического феномена, каковым является, прежде всего, структурная, институционализированная дискриминация, так и для обозначения отдельных дискриминационных актов, рассматриваемых как конкретные правонарушения.

Право на равенство — это право на справедливое равенство. Концепты «равенство» и «справедливость» находятся в неразрывном симбиозе, в силу чего главным принципом международного антидискриминационного права можно назвать принцип эгалитарной справедливости. Как отмечает Б. Н. Кашников, два основных концепта справедливости (эгалитарный и иерархический) соответствуют двум основным разновидностям общественной связи индивидов. В так называемом иерархическом обществе неравенство имеет фиксированный статус и связано с обстоятельствами рождения. Люди здесь рождаются неравными и неравенство рассматривается как нечто естественное и должное. Такая

справедливость предполагает, что исходным политическим принципом является неравенство статусов отдельных индивидов и сословий, но это неравенство осознается как морально оправданное, поскольку в нем выражена различная степень совершенства индивидов и групп, которую они демонстрируют на путях служения высшей цели (идее) этого общества. Эгалитарный тип справедливости предполагает исходное ценностное равенство индивидов или представление о равном достоинстве [26, 38, 40].

«Эгалитарная справедливость исходит из принципиальной ситуации равенства всех членов общества и всякое неравенство поставлено в положение презумпции виновности, так что оно должно быть оправдано, причем оправдано интересами равенства; напротив, иерархическая справедливость исходит из принципиального неравенства членов общества, и неравенство рассматривается как нечто само собой разумеющееся» [27].

Эгалитарная сущность международного антидискриминационного права базируется на признании равной ценности («равноценности») и равного достоинства всех людей как абсолютного морального и правового императива. Это — основное «базисное» равенство, равенство моральное и естественно-правовое. Это — равенство, отражающее равную духовную ценность каждого человека, равенство в достоинстве, являющееся основой императивного запрета дискриминации и обуславливающее равенство в правах. И. А. Ильин писал: «Справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего» [28, 80].

«Равенство, как и свобода, вытекает из понятия личности. Оба эти начала одинаково предполагаются представлением о личности, как абсолютной ценности, имеющей безусловное нравственное значение. Во имя этого безусловного значения мы требуем для человека свободы, и так как в каждом человеке мы должны признать эту высшую нравственную сущность, мы требуем в отношении ко всем людям равенства», — утверждал П. И. Новгородцев [29, 167].

Люди неравны по многим признакам, но равны в достоинстве, что предопределяет равенство ценности человеческих личностей, живых существ, относящихся к человеческому роду. Как неоднократно подчеркивал академик П. М. Рабинович, достоинство человека является основой, фундаментом всей системы его основополагающих прав и свобод [30]. Это — тот критерий равенства, который лежит в основе всех прочих его проявлений. Длительное время на протяжении человеческой истории обсуждался вопрос о том, кого следует, а кого — не следует причислять к человеческому роду, и существует ли иерархия в ценности, достоинстве людей, различающихся между собой по биологическим и цивилизационным признакам. По существу, до середины XX века идея моногенизма и этического равенства человеческих существ, лежащая в основе мировых религий, на правовом, в том числе международно-правовом, уровне не была признана. Более того, она более или менее явно отвергалась не только явными апологетами расизма, но классиками европейской философии, внесшими значительный вклад в развитие идеи равенства и справедливости.

Расовая дискриминация, будучи одним из проявлений дискриминации как социально-правового феномена и юридической категорией, имеет существенную специфику. Она является прямым и очевидным отрицанием фундаментального этического равенства («основного равенства» — «basic equality») как базового элемента мегаконцепта «равенство».

В современной философии ведутся активные дискуссии относительно содержания понятия «основного равенства» как постулата о равной ценности всех людей [31]. Н. Смит замечает: «Идея основополагающего принципа равенства является четким подтверждением того, что интересы и проблемы всех людей должны быть приняты во внимание из-за их равной человеческой ценности. Таким образом, был бы неверным вывод, что поскольку применение идеи равенства может быть нечетким, в нем нет никакой необходимости и оно не играет никакой полезной роли в юридическом дискурсе. Значение равенства как фундаментальной приверженности к равноценности людей — это абстрактный принцип, который может быть использован для обоснования распределения прав и благ в обществе» [32].

В контексте борьбы с расовой дискриминацией важно подчеркнуть, что «основное равенство» должно быть признано как присущее не только отдельным индивидам, но и народам. «Среди существенных изменений в дискуссионном пространстве теории справедливости, ...присутствует также появление концепта «культурной» (или «этнокультурной») справедливости и его политического эквивалента — «политики признания культурных идентичностей» — отмечает А. Прокофьев [33]. Признание «другого» как разного, но равного и в то же время — как равного, но разного стало важным элементом современного понимания основного равенства [34].

Основное равенство не может быть правомерно ограничено или ущемлено. Всякое умаление основного равенства, отступление от этого принципа, является правонарушением, охватываемым юридическим понятием «дискриминация». В преамбуле Декларации о расе и расовых предрассудках, которая была принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 года и значение которой в становлении международного антидискриминационного права трудно переоценить, подчеркивается, что «органическое единство человечества и, следовательно, основное равенство всех людей и народов, находящее выражение в самых возвышенных понятиях философии, морали и религии, отражает идеал, к которому в настоящее время стремится этика и наука». Статья 1 гласит: «Все люди принадлежат к одному и тому же виду и имеют общее происхождение. Они рождаются равными в достоинстве и в правах, и все они составляют неотъемлемую часть человечества (1); «все люди и группы людей имеют право отличаться друг от друга, рассматривать себя как таковых и считаться такими. Однако многообразие форм жизни и право на различие ни при каких обстоятельствах не могут служить предлогом для расовых предрассудков; ни юридически, ни фактически они не могут служить оправданием какой бы то ни было дискриминационной практики...». В ст. 9 (1) Декларации утверждается: «Прин-

цип равенства в достоинстве и правах всех людей и всех народов, независимо от расы, цвета кожи и происхождения, является общепринятым принципом, признанным в международном праве. Следовательно, любая форма расовой дискриминации, проводимая государством, является нарушением международного права, влекущим за собой международную ответственность государства».

Концепция основного (основополагающего) равенства имеет юридическое значение и служит не только моральным, но и правовым фундаментом международного антидискриминационного права, имеет широкий диапазон использования и служит ключом к решению конкретных правовых проблем. Однако здание международного антидискриминационного права не состоит из одного фундамента. Дискриминация как непризнание и/или нарушение основного равенства, будучи направленной (или имея своим результатом) на ущемление человеческого достоинства, может иметь самостоятельный, автономный характер и множество проявлений на различных уровнях — от государственного до бытового. В большинстве случаев расовая дискриминация находит свое конкретное выражение в: 1) несправедливо дифференцированном обращении; 2) нарушении равенства возможностей и доступа к жизненно важным благам (дистрибутивная дискриминация); 3) преследовании — дискриминационно мотивированном насилии или подстрекательстве к нему.

«Основное равенство» абстрагируется от неизбежных и существенных различий между людьми и требует обращения со всеми членами человеческого рода как с равными (золотое правило нравственности). Вместе с тем оно не требует равного обращения, которое может быть несправедливым ввиду фактического неравенства людей по многим иным свойствам и обстоятельствам. В этой связи уместно обратиться к трудам американского политического философа и юриста Р. Дворкина и его концепции «либерального эгалитаризма» [35]. Согласно Дворкину, государство может относиться к своим гражданам, как к равным (*treat those in its charge as equals*), и государство может относиться к гражданам равным образом (*treat those in its charge equally*), что означает, что каждый человек имеет право на равную заботу и уважение [36, 5] и является главным основанием равенства.

Право на недискриминацию не тождественно праву на равное обращение. Дифференцированное обращение является дискриминацией только в том случае, если оно несправедливо, не может быть «объективно и разумно оправданным» [37]. При этом дискриминация может выражаться как в установлении необоснованных различий в правовом регулировании, так и в недифференцированном, уравнительном подходе к субъектам, находящимся в различных ситуациях [38, 13, 14].

Принцип равенства, закрепленный в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, сочетает в себе формальное равенство перед законом и равную защиту закона с подлинным или фактическим равенством с точки зрения использования и осуществления прав человека в качестве цели, достигаемой с помощью добросовестного применения ее принципов [39]. По вопросу о базовом понятии дискриминации Комитет по ликви-

дации расовой дискриминации в своей общей рекомендации № 30 (2004) о дискриминации неграждан отметил, что различие в обращении «представляет собой дискриминацию, если критерии такого различного обращения, оцениваемые в свете задач и целей Конвенции, не применяются в соответствии с законной целью и несоразмерны достижению этой цели» [40]. В общей рекомендации № 32 (2009) Комитет подчеркнул, что термин «недискриминация» не означает необходимость единообразного обращения, если между положением одного лица или группы и других лиц и групп существуют значительные различия или, иными словами, если имеются объективные и разумные основания для различного обращения. Равное обращение с лицами и группами, находящимися в объективно различном положении, представляет собой дискриминацию на практике, так же, как и неравное обращение с лицами, находящимися в объективно одинаковом положении [41]. Давая оценку результатам тех или иных действий с точки зрения их соответствия Конвенции, Комитет стремится определять, не ставят ли такие действия в неоправданно неравное положение ту или иную группу [42].

Одно из недавних разъяснений понятия дискриминация как несправедливо дифференцированного обращения было дано Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам. Согласно разъяснениям Комитета, дискриминация означает любое различие (*distinction*), исключение (*exclusion*), ограничение (*restriction*) или предпочтение (*preference*) или иное дифференцированное обращение (*other differential treatment*), которое прямо или косвенно осуществляется на запрещенных основаниях для дискриминации и целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления, наравне с другими, прав, закрепленных в Пакте (*has the intention or effect of nullifying or impairing the recognition, enjoyment or exercise, on an equal footing, of Covenant rights*): дискриминация также предполагает подстрекательство к дискриминации и преследованиям (*incitement to discriminate and harassment*). Дифференцированное обращение на запрещенных основаниях будет считаться дискриминационным, если обоснование дифференциации не является разумным и объективным. Это будет предполагать оценку того, являются ли цель и результаты мер и бездействия законными, совместимыми с характером закрепленных в Пакте прав и осуществляются ли они исключительно с целью поощрения общего благосостояния в демократическом обществе. Кроме того, должны проследиваться четкие и обоснованные отношения соразмерности (*proportionality*) между преследуемой целью и принимаемыми мерами или бездействием и их последствиями. Для ликвидации дискриминации по существу государства-участники могут быть обязаны — а в некоторых случаях обязаны — принять специальные меры с целью смягчения или устранения условий, содействующих сохранению дискриминации. Такие меры являются законными в той степени, в какой они представляют собой разумные, объективные и соразмерные средства устранения фактической дискриминации [43].

Минувшее десятилетие стало свидетелем появления новых проблем, включая глобальный продовольственный и экономический кризис, который оказал

несоразмерно глубокое воздействие на уязвимые группы [44]. Как говорится в Докладе о развитии человека «Реальное богатство народов: пути к развитию человека» (2010), «забота о социальной справедливости в концепции развития человека напрямую трансформируется в открытую сосредоточенность на неравенстве» [45, 23]. В этих условиях особое значение приобретает проблематика дистрибутивной дискриминации, тесно связанная с проблематикой социальной справедливости.

Дистрибутивная дискриминация состоит, прежде всего, в невыполнении государством «минимальных основных обязательств» по обеспечению базового уровня осуществления экономических прав по дискриминационным основаниям. Значительное влияние на формирование концептуальных основ международного антидискриминационного права оказала теория справедливости одного из выдающихся политических философов XX столетия Дж. Ролза. Концепция Дж. Ролза может рассматриваться как объяснение принципа основополагающего равенства. Она представляет собой вариант дистрибутивной теории справедливости и является моделью общественного равенства как равенства честных возможностей. Дж. Ролз сместил акцент «с формального равенства перед законом на компенсацию социального неравенства, направил вектор человеческого соучастия на обездоленных, причем на уровне и в масштабе общества как целого, так что такое участие становится совместной заботой сообщества людей» [46, 80]. Требование защиты тех, кто находится в наихудших условиях, Ролз назвал принципом несходства (the difference principle) [47, 745–746]. Общая концепция справедливости в теории Дж. Ролза выражена в следующей формуле: «Все первичные общественные блага — свобода и возможности, доходы и богатства, а также условия самоуважения — должны быть распределены поровну, если только неравное распределение каких-либо или всех этих благ не служит благу наименее преуспевающей части общества» [48, 303]. Дж. Ролз сформулировал два принципа справедливости: 1. Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей (принцип равных свобод). 2. Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших (принцип дифференциации) и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей (принцип равных возможностей) [48, 60, 61]. Принципы справедливости Ролза предполагают строгую иерархию: принцип равных свобод имеет приоритет перед принципом дифференциации, который, в свою очередь, имеет приоритет перед принципом равных возможностей.

Дистрибутивная парадигма, основанная на принципе равных возможностей, понимаемых как равенство шансов, в международном антидискриминационном праве дополняется принципом равного доступа к жизненно важным благам. Именно дискриминация по отношению к физическим, витальным правам [49] представляет собой крайнюю форму дистрибутивной несправедливости. Разпределение благ «на основе равного доступа и равных возможностей» вполне

адекватно отражает суть дистрибутивной парадигмы современного международного антидискриминационного права. Так, например, равенство возможностей (физических и экономических) применительно к праву на достаточное питание представляет собой не столько абстрактное «равенство жизненных шансов», а как вполне конкретное право на доступ к минимальному основному уровню этого важнейшего материального блага, что свидетельствует о необходимости использования подхода, сочетающего, наряду с принципом равенства возможностей, элементы принципа равенства результатов.

Как видим, в поисках решения проблемы экономического неравенства международное антидискриминационное право базируется на эгалитарной модели дистрибутивной справедливости, в основе которой лежит признание основополагающего равенства как фундаментального этического и правового принципа. Вместе с тем эгалитарная модель дистрибутивной справедливости не означает полного равенства распределения и не исключает дифференциации.

Особый характер носят насильственные формы расовой дискриминации. Среди чрезвычайно тревожных тенденций, которые проявляются во всех регионах мира, Специальный докладчик по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Д. Дьен на первое место ставил усиление расистского и ксенофобного насилия в мире. Эта тенденция выражается, в частности, в актах физического насилия, совершаемых экстремистскими, неонацистскими и националистическими группировками в отношении членов религиозных, этнических или культурных общин [2]. Массовые насильственные проявления дискриминации требуют решительных и разнообразных форм международного противодействия. В этом контексте большое значение приобретает развитие международного антидискриминационного уголовного права, осуществление раннего предупреждения и концепции «ответственности по защите» [50]. Ввиду сложности феномена дискриминации развитие международного антидискриминационного права приобретает многовекторный характер.

Порождаемая различными причинами и порождающая различные последствия, дискриминация распространена во всем мире. Своего рода «вирус дискриминации» может быть обнаружен в нормативных актах и правоприменительной деятельности государства, в обыденной жизни людей и в тягчайших экстремистских проявлениях. Степень сопротивляемости этой общественной болезни отражает уровень правовой и политической системы общества, меру обеспечения в нем прав человека. Дискриминация дестабилизирует ситуацию в мире, создает социальный дискомфорт и напряженность, порождает в обществе враждебность и противостояние. В условиях глобализации и возрастания рисков, которые несут в себе проявления дискриминации, значение международного антидискриминационного права стремительно возрастает.

Литература и примечания

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Глобальные усилия, направленные на полную ликвидацию расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и

- всеобъемлющее осуществление и принятие последующих мер по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий от 19 декабря 2011 года. — Док. ООН А/66/460. — П. 1.
2. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Совет по правам человека. Десятая сессия. Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости г-на Дуду Дьена о проявлениях диффамации религий, и в особенности о серьезных последствиях исламофобии для осуществления всех прав. 2 сентября 2008. — Док. ООН А/HRC/9/12. — П. 7 — 11.
 3. Antony Anghie. *Imperialism, Sovereignty, and the Making of International Law* / Antony Anghie. — Cambridge University Press, 2005.
 4. Lopez I. F. H. *The Social Construction of Race: Some Observations on Illusion, Fabrication, and Choice* // *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*. — 1994. — N 29.
 5. Charlesworth H. *Concept of Equality in International Law* // *Litigating Rights/ Grant Huscroft & Paul Rishworth (ed)*. — 2002. — P. 143.
 6. Donnelly J. *Universal Human Rights in Theory and Practice* / J. Donnelly. — 2nd ed. — Cornell University Press, 2003. — P. 157.
 7. Brownlie I. *Principles of Public International Law* / I. Brownlie. — 5th ed. — Oxford University Press, 2002; Malcolm N. Shaw QC. *International Law*. — 5th ed. — Cambridge University Press, 2003. — P. 115–119; Hillier T. *Principles of Public International Law* / T. Hillier. — London ; Sydney, 1999. — P. 38–39; Cassese A. *International Law* / A. Cassese. — 2nd ed. — Oxford University Press, 2005; Murphy J. F. *Civil Liability for the Commission of International Crimes as an Alternative to Criminal Prosecution* / J. F. Murphy. — 1999.
 8. Case concerning application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, ICJ Reports (1996) *Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro)*, Preliminary Objections, Order of 11 July 1996; the Prosecutor v. Anto Furundzija — Case No. IT-95-17/1-T, ICTY Judgment, paras 134-157.
 9. Бачинин В. А. *Философия права и преступления* / В. А. Бачинин. — Х. : Фолио, 1999. — С. 63.
 10. Fiss O. *Groups and the Equal Protection Clause* // *Equality and preferential treatment* / M. Cohen, T. Nagel, T. Scanlon, R. Dworkin eds. — Princeton University Press, 1977. — P. 84, 86.
 11. Антидискриминационному праву уделяется большое внимание в западной юриспруденции. Среди ученых, посвятивших этой проблематике свои труды, могут быть названы М. Бантон, М. Белл, М. Боссайт, Дж. Голдстон, Р. Гольдман, М. Конноли, С. Фредман, С. Макгрудден, М. Макивен, М. Мин, Дж. Ньессен, Р. Тоуншенд-Смит, Р. Хански, И. Чопин, М. Шейнин. Важные аспекты противодействия дискриминации в контексте защиты прав человека уделяют внимание известные украинские правоведы В. Мицик, П. Рабинович, С. Шевчук и другие исследователи. Правовые меры борьбы с дискриминацией рассматриваются в трудах российских ученых, в частности, Н. Н. Бабаяна, М. Н. Варламовой, С. М. Кочои, Н. Кравчука, Н. В. Козюк, Г. Н. Комковой, А. Г. Осипова, М. Т. Тимофеева.
 12. Bayefsky A. F. *The principle of equality or non-discrimination in international law* // *Human rights law journal*. — 1990. — Vol. 11, № 1–2. — P. 2.
 13. Левенкова Е. Р. *Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX–XXI веков* // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. — 2009. — Т. 11, № 4. — С. 226–231.
 14. Макаренко В. П. *Политическая концептология: первые итоги разработки* // *ПОЛИТЭКС*. — 2007. — № 4. — С. 85.
 15. Мень А. *Расизм перед судом христианства* // *Журнал Московской Патриархии*. — 1962. — № 3. — С. 22–27.
 16. Isaac B. H. *The invention of racism in classical antiquity* / B. H. Isaac. — Princeton (N.J.) ; Woodstock : Princeton University Press, 2006. — 563 p.
 17. Heath M *Aristotle on natural slavery* // *A Journal for Ancient Philosophy*. — 2008. — Vol. 53. — P. 243–270; Brunt P. A. *Aristotle and slavery* // *Studies in Greek History and Thought*. — Oxford, 1993. — P. 343–388; Cooper J. M. *Aristotle on natural teleology* // *Language and Logos* / M. Schofield and M. Nussbaum (ed.). — Cambridge, 1982. — P. 197–222; Garver E. *Aristotle's natural slaves: incomplete praxeis and incomplete human beings* // *Journal of the History of Philosophy*. — 1994. — N 32. — P. 175–196.
 18. McPhail M. L. *The rhetoric of racism revisited: reparations or separation?* / M. L. McPhail. — Rowman & Littlefield, 2002. — 221 p.
 19. D'Souza D. *The end of racism: principles for a multiracial society* / D. D'Souza. — New York : Simon & Schuster, 1996. — 756 p.

20. Voxill B. R. *Race and racism* / B. R. Voxill. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — 486 p.
21. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. Изд. 2-е, стереотип. — М. : Изд. группа ПОРМА-ИНФРА — М., 1998. — 736 с.
22. Булгаков С. Н. Расизм и христианство // Труды по социологии и теологии : в 2-х т. / С. Н. Булгаков ; Ин-т социологии РАН. — М. : Наука, 1997. — Т. 2 : Статьи и работы разных лет. 1902 по 1942. — С. 582–649.
23. F. E. Egalitarianism as a Descriptive Concept // *American Philosophical Quarterly*. — 1970. Vol. 7 (2). — P. 143–152.
24. Pausman D. M. *Egalitarianism Reconsidered* / D. M. Pausman, M. S. Waldron // *Journal of Moral Philosophy*. — 2011. — Vol. 8, N 4. — P. 567–586.
25. Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Комиссия по правам человека. Подкомиссия по поощрению и защите прав человека. Предупреждение дискриминации и защита коренных народов и меньшинств. Концепция и практика позитивных действий. Доклад о ходе работы, представленный Специальным докладчиком г-ном Боссайтом. — Док ООН. E/CN.4/Sub.2/2001/15.
26. Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / Б. Н. Кашников. — Великий Новгород, 2004. — 260 с.
27. Кашников Б. Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции // *Этическая мысль*. — М. : ИФ РАН, 2001. — Вып. 2. — С. 90–114.
28. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания / И. А. Ильин // — М. : Рус. кн., 1994. — 413 с. — (Собрание сочинений. Конец 1930 г. — начало 1951 г. ; т. 4).
29. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. — СПб. : Лань : Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2000. — 352 с. (Серия «Мир культуры, истории и философии»).
30. Рабінович П. М. Конституційні гарантії прав людини і громадянина: напрями удосконалення // *Вісник Конституційного Суду України*. — 2011. — № 1. — С. 66–74.
31. Waldron J. *Basic Equality* // *New York University Public Law and Legal Theory Working Papers*. Paper 107. Режим доступа : <http://lsr.nelco.ore/nvu/plltpw>.
32. Smith N. *Basic Equality and Discrimination: Reconciling Theory and Law* / N. Smith. — Farnham, Surrey ; Burlington : Ashgate Publishing, Ltd, 2011. — 228 p.
33. Прокофьев А. Либерализм, демократия и политика культурного признания [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://iph.ras.ru/upfile/ethics/RC/ed/f/5.html>.
34. Taylor Ch. *Multiculturalism and «The Politics of Recognition»* / Ch. Taylor ; ed. by A. Gutmann with commentaries by A. Gutmann, S. Rockefeller, M. Walzer and S. Wolf. — New Jersey, 1992.
35. Игнаткин О. В. Проблема «равенства в свободе» и концепция «равенство ресурсов» // *Философские науки*. — 2006. — № 6. — С. 5–21.
36. Dworkin R. *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality* / R. Dworkin. — Cambridge MA., 2000.
37. *Willis v. the United Kingdom*, Application no. 36042/97. — para 48; ECHR 2002-IV, *Judgement of 11 June 2002*. — para 39.
38. Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости. Юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / М. В. Пресняков. — Саратов, 2010. — 45 с.
39. United Nations. Committee on the Elimination of Racial Discrimination General Recommendation 32 The meaning and scope of special measures in the International Convention on the Elimination of All Forms Racial Discrimination (2009). — Para. 6.
40. United Nations. Committee on the Elimination of Racial Discrimination General Recommendation No. 30: Discrimination Against Non Citizens (2004)). — Para. 4.
41. Committee on the Elimination of Racial Discrimination General Recommendation 32 The meaning and scope of special measures in the International Convention on the Elimination of All Forms Racial Discrimination (2009)). — Para. 8.
42. United Nations. Committee on the Elimination of Racial Discrimination General Recommendation № 14 Definition of discrimination (Art. 1, par.1)). — Para. 2.
43. United Nations. Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General comment NO. 20. Non-discrimination in economic, social and cultural rights (art. 2, para. 2, of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights). E/C.12/GC/20.). — Paras. 7, 9,14.
44. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Эффективное содействие осуществлению Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, рели-

- гнозным и языковым меньшинствам. Доклад независимого эксперта Организации Объединенных Наций по вопросам меньшинств. 12 августа 2010. Doc. UN. A/65/287. Para. 55.
45. Доклад о развитии человека. 2010. 20-е, юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). — М.: Весь Мир, 2010.
46. Плакшина О. И. Роль феномена справедливости в устойчивом развитии современного общества // Грани. 2009. № 6. С. 78–81.
47. Смирнов Г. История философии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Г. Смирнов, П. Гилье; пер. с англ. В. И. Кузнецова; под ред. С. Б. Крымского. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. — 800 с. С. 745 — 746.
48. Rawls J. A theory of justice / J. Rawls. — Oxford: Oxford University Press, 1971.
49. Рабинович П. Основоположні права людини: соціально-антропна сутність, змістова класифікація // Право України. — 2010. — № 2. — С. 18–23.
50. United Nations. General Assembly. Sixty-fourth session. Integrated and coordinated implementation of and follow-up to the outcomes of the major United Nations conferences and summits in the economic, social and related fields Early warning, assessment and the responsibility to protect. Report of the Secretary-General. UN Doc. A/64/864.

Аннотація

Дрґжина-Волок Н. В. Концептуальні основи поняття «расовая дискриминация» и эгалитарная сущность международного антидискриминационного права. — Стаття.

В статті аналізуються концептуальні основи поняття «расовая дискриминация» и пропонуються варіанти його інтерпретації як порушення основоположного рівності, несправедливо диференційованого оброблення, необеспечення рівності можливостей и доступа к жизненно важным благам, а также преследования по основаниям, охватываемым Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Рассматривается принцип эгалитарной справедливости как основной принцип международного антидискриминационного права.

Ключевые слова: международное антидискриминационное право, расовая дискриминация, основное равенство, эгалитарные теории справедливости.

Анотація

Дрґжина-Волок Н. В. Концептуальні основи поняття «расова дискримінація» та егалітарна сутність міжнародного антидискримінаційного права. — Стаття.

У статті аналізуються концептуальні основи поняття «расова дискримінація» та пропонуються варіанти його інтерпретації як порушення основоположної рівності, несправедливо диференційоване ставлення, незабезпечення рівних можливостей і доступу до життєво важливих благ, а також переслідування на підставах, що охоплюються Міжнародною конвенцією про ліквідацію всіх форм расової дискримінації. Розглядається принцип егалітарної справедливості як основний принцип міжнародного антидискримінаційного права.

Ключові слова: міжнародне антидискримінаційне право, расова дискримінація, основна рівність, егалітарні теорії справедливості.

Summary

Drygina-Voloc N. V. Conceptual foundations of the term «racial discrimination» and the egalitarian nature of the international anti-discrimination law. Article.

The article analyzes the conceptual foundations of the concept of «racial discrimination» and options are suggested for its interpretation as a violation of substantive equality, unfairly differentiated treatment, failure to ensure equality of opportunity and access to essential goods, as well as persecution on the grounds covered by the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. The principle of egalitarian justice is regarded as a fundamental principle of international anti-discrimination law.

Keywords: international anti-discrimination law, racial discrimination, basic equality, egalitarian theories of justice.